

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Жители розъ. Е. Ворозиной.—
 II. Цвѣтокъ. (Стих.). Венедиктова.—III. Вдоль Мур-
 манскаго берега. В. Голпена.—IV. Бабушка. Нирица.

ЖИТЕЛИ РОЗЪ.

НАСѢКОМЫЯ, эти маленькіе, чудные жители полей и лѣсовъ, являются спутниками всѣхъ растений; кромѣ того они такъ роскошно разукрашены, что по своей красотѣ, нѣжности и блеску покрововъ становятся опасными соперниками семейства Флоры. *) Повидимому природа выразила въ нихъ все свое изящество, все свое

*) Богиня цвѣтовъ—у древнихъ грековъ и римлянъ.

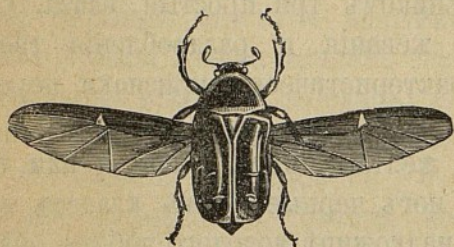
искусство, сосредоточила въ нихъ все прекрасное, стройное, чудесное. Однихъ разрисовала тончайшей кистью, другихъ вооружила блестящей броней, въ которой лучи солнца переливаются и искрятся какъ въ драгоценныхъ камняхъ; третьихъ заковала, будто средневѣковыхъ рыцарей, въ твердую кольчугу. Нѣкоторыхъ какъ бы спрыснула волшебной росой и покрыла золотыми и серебряными пластинками. Но природа, одаривши своихъ любимцевъ красотой, дала имъ и разнообразныя орудія питанія и движенія, органы чувствъ и главнѣйшихъ жизненныхъ отправленій, и открыла въ ихъ устройствѣ такой чудный мѣръ, который поражаетъ и напоминаетъ слова знаменитаго римскаго естествоиспытателя Плинія: „сколько мудрости, силы и неизмѣримаго совершенства проявляется въ этихъ маленькихъ, повидимому ничтожныхъ существахъ“.

Всѣ дѣйствія насѣкомыхъ совершаются съ необыкновенной точностью и ловкостью, для этой дѣятельности имъ даны разнообразныя орудія, какъ-то: пилы, подпилки, сверла, буравчики, ножницы, ланцеты, ножи, клещи и пр. Многія изъ этихъ орудій дѣйствуютъ по разнымъ направленіямъ, съ такимъ совершенствомъ, до котораго не достигаетъ и человѣкъ. „Тотъ, кто мудръ въ сердцѣ и дивенъ въ дѣлахъ“, былъ изобрѣтателемъ и художникомъ этихъ орудій. Насѣкомыя обладаютъ сложными нервною и сосудистою системами, разнообразными отдѣлительными и пищеварительными сосудами, инстинктомъ, и живутъ на свойственныхъ имъ мѣстахъ и растеніяхъ.

Лѣтомъ часто можно видѣть сидящаго въ срединѣ цвѣтка розы или шиповника золотисто-зеленаго блестящаго жучка, почти четырехъ-угольной формы, съ бѣлыми крапинками на надкрыліяхъ. Жучекъ этотъ такъ уютно располагается между листочками цвѣтка, такъ ярко блеститъ между розовыми лепестками, что имъ можно залюбоваться. Налетавшій досыта, днемъ по солнцу, съ сильнымъ жужжаніемъ, онъ, передъ вечеромъ, преспокойно забирается на ночлегъ въ роскошную

розовую колыбель и, убаюкиваемый легкимъ колыханіемъ цвѣточной вѣточки, подъ теплымъ дыханіемъ лѣтняго вѣтерка, засыпаетъ сномъ невинности. Но невинность эта далеко не невинна, жучекъ выбираетъ себѣ эту благоуханную колыбель только потому, что она служитъ ему пищей. Онъ преспокойно объѣдаетъ не только всѣ тычинки и пыльники цвѣтка, но подгрызаетъ и его лепестки, и цвѣтокъ лишается какъ красоты, такъ и способности производить плоды и давать сѣмена. Жучекъ этотъ называется бронзовка золотистая, она очень любитъ летать по солнцу, ее можно встрѣтить во

Бронзовка золотистая.

Личинка бронзовки.

всѣхъ садахъ. При летаніи, бронзовка никогда не раздвигаетъ и не приподнимаетъ своихъ твердыхъ, блестящихъ надкрылій, какъ это дѣлаютъ всѣ жуки, но просто изъ подъ нихъ выпускаетъ свои тонкія нижнія крылья. Личинки бронзовки очень похожи на личинки майскаго жука или хруща; онѣ живутъ въ гниломъ деревѣ, куда самки кладутъ свои яички; впрочемъ личинки нѣкоторыхъ видовъ бронзовокъ живутъ и въ муравейникахъ, но всѣ онѣ безвредны—вреденъ собственно жучекъ. Достигнувъ полнаго развитія, каждая личинка дѣлаетъ себѣ плотный коконъ изъ кусочковъ гнилаго дерева, связанныхъ шелковистымъ веществомъ, выпускаемымъ самою личинкою. Въ этомъ коконѣ она превращается въ куколку, изъ которой выходитъ вполне развитымъ насекомымъ въ іюнѣ и іюлѣ.

Листья розъ и шиповника объѣдаются также перепончато-

крылымъ насѣкомымъ по имени щеткорогъ розанный. Вообще перепончато-крылыя насѣкомыя узнаются по формѣ

Щеткорогъ розанный.

ихъ тѣла, явственно раздѣленнаго на три части, по длинѣ усиковъ и въ особенности по четыремъ крыльямъ, по формѣ брюшка, на концѣ котораго или жало, или яйцекладъ, посредствомъ котораго самки кладутъ свои яички. Голова этихъ насѣкомыхъ расширена въ видѣ четырехъ-угольника, по сторонамъ ея помѣщается по одному сложному глазу, а надъ ними расположены на лбу трехъ-угольникомъ три простые глаза. Снизу ротъ, съ челюстями для жеванія и раздробленія твердой пищи. Вотъ главные характеристическіе признаки перепончато-крылыхъ.

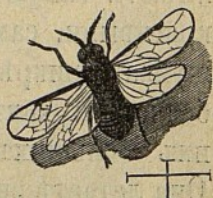
Щеткорогъ розанный желтаго цвѣта, голова, усики, грудной щитокъ и основаніе ногъ черные. Самка кладетъ яички на розанные побѣги. На надкожицѣ молодого побѣга она дѣлаетъ рядомъ два параллельныхъ надрѣза, и каждый служитъ для одного только яичка; положивъ яички, самка закрываетъ надрѣзы своею липкою слюною. Работу эту она начинаетъ утромъ съ восходомъ солнца; днемъ отдыхаетъ, подкрѣпляетъ себя пищею, а вечеромъ снова принимается за дѣло, такимъ образомъ, кладетъ послѣдовательно до 30 яичекъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, послѣ чего умираетъ. Молодые побѣги, испорченные надрѣзами насѣкомаго, морщатся, чернѣютъ и увядаютъ. Черезъ восемь или десять дней изъ яичекъ выходятъ личинки синеваато-зеленаго цвѣта съ желтыми пятнами на спинѣ и съ бородавками блестящаго чернаго цвѣта, съ одною щетинкою на ихъ вершинѣ, которыя послѣ послѣдняго линянія принимаютъ видъ пузырей. По выходѣ изъ яицъ, личинки принимаются глотать листья, начиная отъ конца листа вплоть до срединнаго нерва. Эти личинки, во время покойнаго состоянія, сгибаютъ свое тѣло въ видѣ буквы S, при этомъ

приподымають оконечность своего тѣла вверхъ и качають имъ то вверхъ, то внизъ, то съ боку на бокъ. Личинки быстро растутъ, линяють четыре раза и уходятъ въ землю, гдѣ и превращаются въ куколку, а въ августѣ появляются развитыя насѣкомыя; самки кладутъ яички и умирають, а развитое насѣкомое выходитъ на слѣдующую весну.

Кромѣ этого перепончато-крылаго на розахъ и шиповникѣ живетъ много и другихъ насѣкомыхъ, больше всего розамъ вреда приносятъ листоѣдъ и щетиноусъ.

Листоѣдъ-сверлильщикъ чернаго цвѣта, покрытъ сѣрыми шелковистыми волосками, передній край груднаго щитка и чешуйки на крыльяхъ бѣлыя. Самка кладетъ на вершину розовыхъ побѣговъ по одному яичку. Вылупившіяся изъ яичекъ личинки немедленно вѣдаются въ побѣгъ и питаются его сердечиною, отчего, конечно, завядають на немъ всѣ его верхніе листья. Выѣвши одну часть сердечины, личинка спускается ниже и ниже, уничтожаетъ въ побѣгѣ всю сердечину, достигнувъ полнаго развитія, прорѣзываетъ на вершинѣ побѣга сбоку круглое отверстіе, является наружу сваливается на землю, уходитъ въ нее не глубоко, свиваетъ коконъ и превращается въ куколку.

Листоѣдъ-сверлильщикъ.

Нерѣдко можно видѣть на нижней сторонѣ листьевъ розъ и шиповника сѣроватыя мѣшечки искусно привѣшенные къ листочкамъ. Мѣшечки эти сдѣланы изъ маленькихъ листочковъ розъ, свернутыхъ спирально въ трубку личинкою перепончато-крылаго насѣкомаго щетиноуса розаннаго. Насѣкомое это чернаго цвѣта съ желтыми пятнами, желтоватымъ брюшкомъ и такими же крыльями. Личинки щетиноуса желтовато-зеленаго цвѣта, съ красными полосками по сторонамъ тѣла. Вотъ эта-то личинка и дѣлаетъ мѣшечки, которые по мѣрѣ своего выростанія увеличиваетъ, а внутренностью ихъ питается. Достигнувъ пол-

Щетиноусъ розанный.

наго развитія, она уходитъ въ землю, мѣшечекъ же остается висѣть на нижней сторонѣ листа. Зарывшись въ землю, личинка превращается въ куколку и зимуетъ; развитое насѣкомое выходитъ изъ земли на слѣдующую весну въ апрѣлѣ или въ маѣ.

Самый красивый отрядъ насѣкомыхъ чешуе-крылыхъ—бабочки. Блестящіе цвѣта ихъ крыльевъ извѣстны всѣмъ. Крылья бабочекъ покрыты мельчайшими чешуйками, которые вооруженному глазу кажутся пылью, между тѣмъ какъ онѣ имѣютъ самую разнообразную форму и украшены самыми красивыми, самыми прихотливыми вырѣзками. Каждая чешуйка прикрѣплена къ перепонкѣ крыла спаенной трубкой. А какъ быстро, какъ легко летаетъ бабочка на своихъ большихъ, изящныхъ крыльяхъ! Трудно поймать ее. Она летаетъ зигзагами, то внизъ, то вверхъ, то въ одну сторону, то въ другую.

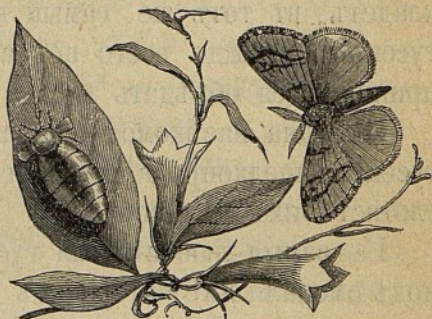
На головѣ бабочки помѣщаются глаза (сложные), глазки (простые), щупальцы, усики или сяжки и хоботокъ. Сложные глаза бабочки блещутъ всѣми цвѣтами радуги, хотя основной цвѣтъ ихъ у однѣхъ черный, у другихъ коричневый, у третьихъ сѣрый. Кромѣ того у многихъ бабочекъ глаза золотистые, съ оттѣнками, переходящими то въ красный, то въ желтый, то въ зеленый цвѣтъ. Глазки помѣщаются на лбу и прикрываются чешуйками. Сложные глаза служатъ насѣкомому чтобы видѣть отдаленные предметы и замѣняютъ имъ наши лорнеты и зрительныя трубки, а простыми глазами или глазками они видятъ близкіе предметы.

Ротъ бабочки состоитъ изъ хоботка съ верхнею и нижнею губою, къ которымъ прикрѣпляются щупальцы. Хоботокъ помѣщается между глазами, онъ всегда свернутъ кольцеобразно и развертывается только тогда, когда бабочка принимаетъ пищу. Интересно наблюдать какъ бабочка дѣйствуетъ своимъ хоботкомъ. Полетавъ вокругъ цвѣтка, она

садится на него, развертываетъ свой хоботокъ и погружаетъ его въ цвѣтокъ. Черезъ нѣсколько минутъ она вынимаетъ его и свертываетъ, чтобы проглотить ту жидкость, которая всосана хоботкомъ и наполняетъ его. Проглотивъ эту жидкость, бабочка снова впивается хоботкомъ и выбираетъ новую. Эту операцію она повторяетъ пока не насытится. Кромѣ того бабочка имѣетъ свойство выдѣлять водянистую жидкость, которая спускается по хоботку внизъ и растворяетъ твердыя вещества, содержащіяся внутри цвѣтка, какъ-то: сахаръ, густой сиропъ, что и даетъ ей возможность питаться этими веществами.

На розахъ, шиповникѣ и фруктовыхъ деревьяхъ живетъ бабочка краснохвость дравнѣй или шелкопрядъ античнѣй. Это бабочка съ широкими ржавчато-коричневыми крыльями, переднѣя съ темными пятнами и однимъ бѣлымъ, блестящимъ пятномъ на внутреннемъ углу; заднѣя крылья круглыя. Туловище бурое, усики гребенчатые, ножки покрыты длинными волосками, голени

Краснохвость.

съ двумя шпорами. Самка съ небольшими зачатками крыльевъ, и покрыта желтовато-сѣрыми шерсистыми волосками. Брюшко наполнено яичками. Яички кладутся бабочкой на розы и фруктовыя деревья. Весною изъ нихъ выходятъ гусеницы, которыя впослѣдствіи покрываются желтыми волосками. Какъ только гусеницы вышли изъ яицъ, то немедленно принимаются ѣсть листья розъ и часто нападаютъ на горшечныя растенія, выставленныя на воздухъ. Количество пищи, съѣдаемой гусеницею въ продолженіи сутокъ, равняется вѣсу ея тѣла. По сторонамъ рта у гусеницъ находятся крѣпкія роковыя челюсти въ родѣ зубовъ. Принимаясь ѣсть, гусеница удлиняетъ тѣло, вытягиваетъ голову и тотчасъ же отрѣ-

заетъ часть листа, находящагося между ея раскрытыми зубчатыми челюстями; она ими быстро отрываетъ кусочки листа и немедленно ихъ поглощаетъ. Большая часть гусеницъ питается ночью, днемъ онѣ неподвижны, будто въ спячкѣ.

Передъ окукленіемъ гусеница сбрасываетъ съ себя всѣ волоски, дѣлаетъ изъ нихъ коконъ, яйцеобразной формы, и прикрѣпляется къ трещинамъ коры, между листьями и къ различнымъ другимъ предметамъ; въ началѣ іюня и въ августѣ такіе коконы можно найти вездѣ. Куколка очень подвижна. Дней черезъ 14 изъ куколки выходитъ бабочка, самка безъ крыльевъ, сидитъ неподвижно на томъ коконѣ, изъ котораго выползла, а самецъ быстро летаетъ вокругъ того дерева, на которомъ сидитъ самка. Яички свои самка кладетъ въ тотъ же самый коконъ. Вышедшія изъ яичекъ гусеницы прежде всего поѣдаютъ скорлупу яичекъ, потомъ принимаются объѣдать листья розы шиповника.

Ни одна насѣкомоядная птица не трогаетъ волосатыхъ гусеницъ шелкопряда античнаго, исключая кукушки, кукушка глотаетъ ихъ цѣликомъ.

Но самыя любопытныя гусеницы тѣ, которыя извѣстны подъ именами листовертокъ и листороекъ. Гусеницы эти принадлежатъ бабочкамъ изъ отряда мелкочешуекрылыхъ, всѣ бабочки этого отряда до того мелки, что когда онѣ летаютъ, ихъ трудно признать за бабочку; онѣ скорѣе походятъ на мухъ. Эти ночныя бабочки, несмотря на свою миниатюрность, очень красивы, а подъ микроскопомъ великолѣпны: чешуйки ихъ крыльевъ блестятъ и переливаются будто изъ серебра и золота, такъ что одинъ изъ видовъ этихъ бабочекъ получилъ названіе *Argynomiges*, т. е. серебро.

Листовертка розанная—съ блестящими желтыми верхними крыльями, покрытыми ржаво-желтой сѣткой и буроватой полоской, кладетъ свои яйца на нижнюю сторону листьевъ розъ. Вышедшія изъ яицъ личинки остаются жить тутъ же, питаются розовыми листьями и устраивая себѣ изъ нихъ необыкновенно искусное жилище. Чтобы устроить или соорудить свой до-

микъ, онѣ внутри листа протачиваютъ продольную полость, выѣдаютъ паренхиму между верхней и нижней кожицею листа, потомъ отдѣляютъ кожицы отъ окружающей ихъ листовой ткани и сшиваютъ шелковыми нитями такъ искусно, что ихъ можно различить только съ помощью лупы, и такимъ образомъ устраиваютъ чехоль или рожокъ. Когда рожокъ готовъ, его надо поставить подъ прямымъ угломъ къ листу, стало быть надо поднять. Для этого гусеница прикрѣпляетъ къ вершинѣ рожка шелковыя нити или канаты и поднимаетъ его тяжестью своего тѣла. Какъ только домикъ готовъ, гусеница уходитъ въ него, закрываетъ отверстіе шелковыми нитями и превращается въ куколку.

Листовертка розанная.

Вѣроятно, всякому приходилось видѣть листья розъ и шиповника, изборожденные блѣдными извилинами; похожими на изображеніе рѣкъ на картахъ и проходящими по листу по различнымъ направленіямъ. Всѣ бороздки очень сходны между собою, въ началѣ такъ узки, что едва ли бы въ нихъ могла пройти самая тонкая нитка, но мѣрѣ того какъ онѣ удлиняются, становятся шире, и при концѣ довольно широки. Бороздки эти—слѣды, оставленные маленькими гусеницами, живущими между тканями листьевъ и питающимися ихъ паренхимой.

Если вскрыть одну изъ этихъ галлерей въ ея широкомъ концѣ, то тамъ окажется или крошечная, блѣлая гусеница, или крошечная куколка, которая превращается въ прелестную, крошечную бабочку. Крылья ея блестятъ самымъ яркимъ металлическимъ блескомъ, а подъ микроскопомъ кажутся золотыми и изумрудными. Кромѣ того крылья окаймлены бахромкой, которая придаетъ имъ видъ пера. Бабочка эта — моль розанная.

Моль розанная.

Всѣ листороящія гусеницы живутъ одиноко. Если же и случится жить на одномъ и томъ же листѣ двумъ или тремъ гусеницамъ, то каждая изъ нихъ дѣлаетъ свой особенный

туннель и никогда не живетъ въ одномъ туннелѣ со своими сосѣдками.

На вѣтвяхъ розъ, растущихъ въ дикомъ состояніи, бываютъ наросты, извѣстные подъ именемъ розовыхъ губокъ или бедегуаровъ. Наросты эти производятся маленькимъ, ярко окрашеннымъ перепончато-крылымъ насекомымъ—орѣхотворкой розанной. Они тверды и покрыты густыми волосками, точно мохомъ. Орѣхотворка, чтобы положить яички, выбираетъ самыя нѣжныя вѣтки шиповника. Когда вѣтка выбрана и найдено удобное мѣсто, самка прокалываетъ вѣточку, кладетъ въ нее свои яички, вливаетъ туда небольшое количество раздражающей жидкости и улетаетъ. Влитая жидкость измѣняетъ ткань растенія, на вѣточкѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ положены яички, начинаютъ образовываться около каждаго яичка ячейки или наросты въ видѣ орѣшковъ, каждая ячейка заключаетъ въ себѣ одно яичко. Наросты эти мало по малу увеличиваются и наконецъ соединяются въ одну общую массу. Поверхность орѣшковъ покрыта длинными многовѣтвистыми волосками, которые такъ густы, что скрываютъ форму орѣшка.

Число орѣшковъ въ одной губкѣ по большей части очень велико, когда волосистая часть ея снята, то ясно видно, что вся она состоитъ изъ желвачковъ по большей части съ горошину. Въ каждомъ изъ нихъ лежитъ личинка, которая питается внутреннимъ веществомъ орѣшка. Личинка превращается въ куколку и наконецъ выходитъ на свѣтъ Божій совершенное насекомое, которое прогрызаетъ орѣшекъ чтобы выйти изъ него. Нерѣдко можно видѣть въ такомъ орѣшкѣ маленькіе блестящіе предметы янтарнаго цвѣта—это крошечныя куколки, умершія въ ячейкахъ. Часто въ орѣшкахъ находятъ и развитыхъ насекомыхъ, умершими вслѣдствіе того, что погибло и само растеніе, доступъ сока къ орѣшку прекратился и стѣнки орѣшка стали такъ толсты, что насекомое не могло прогрызть въ немъ

себѣ отверстіе. Нерѣдко случается что орѣхотворка благополучно выйдетъ изъ орѣшка, но запутается въ волоскахъ розовой губки и погибнетъ.

Число насѣкомыхъ, живущихъ на розахъ, очень велико, едва ли найдется въ саду другое растеніе, на которое попадало бы столько различныхъ насѣкомыхъ, какъ на розы и шиповникъ.

Е. Бороздина.

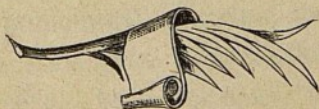

ЦВѢТОКЪ.

И АБЪ дивно вытканъ онъ изъ красокъ, изъ ээира!
Откуда, милый гость? не съ неба ль брошень онъ?
Златистою каймой онъ пышно обведенъ,
На немъ лазурь небесъ, на немъ зари порфира.
Нѣтъ, это сынъ земли, сей гость земнаго пира:
Лугъ—родина ему, изъ праха онъ рождень.
„Такъ вѣрно чудный перль былъ въ землю посаженъ,
Чтобъ произвести его на украшенье міра?“
О, нѣтъ! чтобъ вознестись увѣнчанной главой,
Изъ чернаго зерна онъ долженъ былъ родиться
И корень вить въ грязи, во мракѣ, подь землей.
Такъ сѣмя горести во грудь пѣвцу ложится,
И, въ сердце водрузивъ тяжелый корень свой,
Цвѣтущей пѣснiю изъ устъ его стремится.

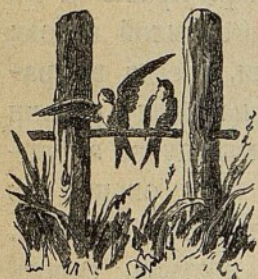
Бенедиктовъ.

ВДОЛЬ МУРМАНСКАГО БЕРЕГА.

Отъ Св. Носа до г. Онеги.

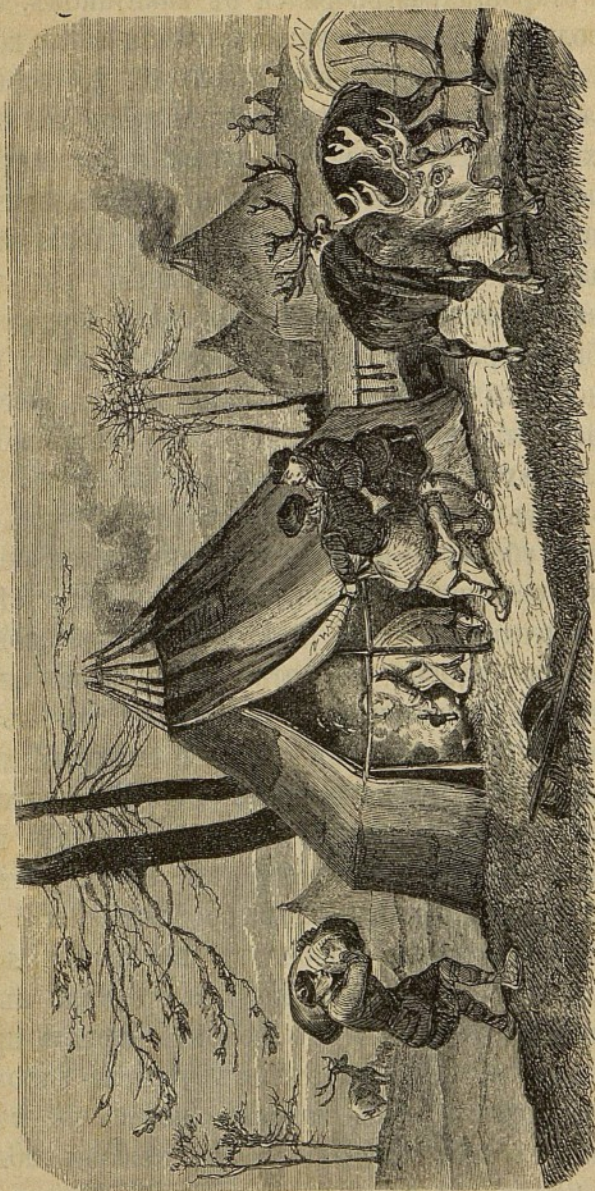

А ДРУГОЙ день мы подходили къ Лумбовской губѣ. Тутъ берегъ уже не такъ каменистъ, и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ воды тянутся тундры поросшія зеленымъ верестникомъ и мхомъ; я радостно встрѣтилъ эту перемѣну, взоръ отдыхалъ на зеленой бархатной поверхности тундры и на маленькихъ древесныхъ кустахъ. Ставъ на якорь въ Лумбовской губѣ, мы отправились въ деревню; тутъ живутъ уже не одни русскіе промышленники; а начинаются туземныя населенія лопарей; пройдя съ версту, мы вошли въ деревню: она меня поразила своей разницею съ становищами рыбаковъ. Здѣсь была настоящая деревня, избы чрезвычайно малы,—говорятъ, у лопарей всегда строятся такія,—но онѣ аккуратно сработаны, всѣ съ каменными трубами, хотя окошки и двери тоже очень малы, чтобы войти въ хату лопаря, надобно низко согнуться, а не то ударишься лбомъ о косякъ; изъ дверейходишь въ сѣни, гдѣ лежатъ охотничьи и рыболовныя принадлежности,

тутъ же часто спать и собаки хозяина; изъ сѣней ведетъ тяжелая, низкая дверь въ горницу, у которой почти половину пространства занимаетъ огромная печь, съ покатою, чисто вымазанной глиною лежанкой, полъ гладко выструганъ, и необыкновенно чистъ и сухъ, стѣны выскоблены, въ углу большой кіотъ съ образами; по стѣнамъ полки съ посудой, а у зажиточныхъ лопарей есть даже самоваръ и мѣдныя кастрюли; разныя лубочныя картины украшаютъ стѣны, стульевъ и столовъ нѣтъ у лопарей, они сидятъ на полу, иногда на низенькихъ скамеечкахъ, ѣдятъ они тоже на полу, усѣвшись вокругъ ѣды; спать на оленьихъ шкурахъ, ими же и прикрываются. Въ лопарской хатѣ тепло необыкновенно, пробывъ долго, чувствуешь потребность скинуть съ себя лишнее платье; лопари сидятъ у себя въ однѣхъ рубахахъ, а дѣти такъ иногда и совсѣмъ голыя играютъ на разосланной шкурѣ оленя. Все богатство и добро лопаря хранится въ отдѣленномъ для этого амбарчикѣ, рядомъ съ ижлой избою; этотъ амбарчикъ отстоитъ высоко отъ земли, всегда выкрашенъ разноцвѣтными полосами, украшенъ на верху рогами оленя, съ крѣпкой дверью, съ большимъ замкомъ, внутри амбарчикъ представляетъ просторную комнату безъ оконъ, съ продольными полками по стѣнамъ; тутъ находятся: малицы, мѣшки изъ тюленьей шкуры, рукавицы, постели, сапоги охотничьи, пухъ птичій, сбруя, санки новыя и проч.; у богатаго лопаря бываетъ нѣсколько такихъ амбаровъ. Вообще изъ лопарей есть очень состоятельные, и сравнительно образованные; когда мы вошли въ деревню, насъ встрѣтилъ староста-лопарь, представительной наружности, щеголевато одѣтый въ темно-сѣрую куртку и суконныя брюки въ обтяжку, обутъ онъ былъ въ большіе сапоги, а на головѣ была надѣта маленькая шведская круглая шапочка. Онъ встрѣтилъ насъ привѣтливо, повелъ къ себѣ въ избу, гдѣ все блестяло чистотой, и угостилъ чаемъ, велѣвъ женѣ поставить самоваръ; у него былъ даже и столъ и нѣсколько стульевъ, сидя за столомъ и прислушиваясь къ шипящему

ЖИЛИЩЕ ЛОПАРЕЙ.

самовару, я мысленно перенесся домой, давненько не видѣль я самовара, этого неизмѣннаго друга каждой семьи. Напившись чаю, староста разговорился съ капитаномъ, онъ нечисто, но довольно ясно выговаривалъ русскія слова; когда жена принялась убирать столъ, онъ сказалъ ей что-то по-лопарски, и она черезъ нѣсколько времени принесла охотничьи сапоги, доходившіе мужу почти до пояса, и кожанную куртку на мѣху, потомъ принялась ихъ на него напяливать, а онъ сидѣлъ неподвижно. Вообще обращеніе у лопарей съ женами суровое. Женщины-лопарки большею частью некрасивы, но встрѣчаются съ очень правильными чертами лица. Я удивленъ былъ красотою жены старосты; руки у нея были чрезвычайно малы и самой правильной формы, несмотря на тяжелыя работы; красоту ея портило запуганное выраженіе въ глазахъ, тупость и монгольскій типъ. Лопарки очень уродуютъ себя своимъ костюмомъ; меня поразилъ ихъ головной уборъ, — это что-то необыкновенное, на головѣ бѣлый повойникъ, что-ли, а сверхъ него сѣтка изукрашенная лентами всехъ цвѣтовъ, съ высокой кичкой, когда лопарка идетъ, то эта кичка качается, развѣиваясь лентами и кисточками. Капитанъ хотѣлъ купить, кромѣ трески, рукавицы изъ оленьей шкуры, да семги, семги не оказалось, рукавицами же насъ надѣлили сколько угодно, эти рукавицы необыкновенно хороши въ большіе морозы — онѣ шьются шерстью вверхъ, что предохраняетъ руку отъ холода. Мы пробрались къ лодкѣ въ сопровожденіи старосты, по болоту, промокшіе до костей отъ дождя и сырости, а черезъ полчаса пріѣхали къ намъ на барказѣ лопари и начался торгъ ромомъ, — пошла проба его, хозяинъ подчууетъ, староста отдаетъ чуть не даромъ и рукавицы и треску и пухъ за самое ничтожное количество рому. Тяжело было смотрѣть, какъ хозяинъ пользовался лопарями; но вотъ торгъ кончается, все удовлетворены и довольны, гости садятся обратно въ барказъ, а мы подняли якорь и вышли изъ губы. Въ полдень мы прошли Сазонову

губу. Я все время слѣдилъ по картѣ близъ какого мѣста мы находимся, и былъ изумленъ, когда матросы мнѣ почти безъ ошибки всегда называли всѣ мѣста.

Теплая ночь была прелестна, солнце уже закатывалось за горизонтъ, я наслаждался темнотой, звѣздами пріятно мерцавшими на свѣтло-голубомъ небѣ, и иногда перекидывался словами съ рулевымъ. Весь слѣдующій день мы стояли между Орловскимъ и Трехъ-Островнымъ маяками; послѣ обѣда вышелъ я на палубу, погода стояла до того жаркая, что хотѣлось купаться; я любовался зеленымъ валомъ, идущимъ по берегу, мѣстами покрытымъ каменными глыбами, съ берега неслись разнородные крики всевозможныхъ водяныхъ птицъ. Вдругъ послышалось со стороны моря какое-то сопѣнье, я обернулся и вижу, что почти по гладкой поверхности моря оригинально перекачивается съ боку на бокъ какая-то черно-сѣрая шарообразная масса и сопить; я указалъ ее матросу, онъ призналъ въ этомъ шарѣ морскую свинью, потомъ мы встрѣчали такихъ свиней очень часто, онѣ развлекали насъ своими кувырканьями и неуклюжимъ видомъ во время скучнаго стоянья при штилѣ. Охотники бьютъ ихъ на сало; мясо же не годится для ѣды. Подъ вечеръ стали показываться тюлени, они необыкновенно любопытны, смотришь, то тамъ, то здѣсь на почтительномъ разстояніи, вынырнетъ черная, круглая, усатая голова тюленя и умные, добрые глаза оглядываютъ мачты, паруса, людей и проч., если же слишкомъ двигаться или шумѣть, тюлень сейчасъ нырнетъ. Капитанъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ убить какого-нибудь тюленя. Зарядивъ ружья крупной дробью, мы въ разныхъ концахъ кормы присѣли у борта и выжидали удобнаго случая, онъ вскорѣ представился: въ семи саженьяхъ отъ насъ показалась огромная голова крупнаго стараго тюленя, шея у него ярко бѣлѣла надъ поверхностью воды—мы выжидали момента, когда онъ успокоился и пересталъ ворочать головой, тогда капитанъ тихо просчиталъ три, и два выстрѣла одновременно огласили да-

лекимъ эхомъ все побережье, дымъ разсѣялся и мы увидѣли къ нашей радости убитаго огромныхъ размѣровъ тюленя; приплывъ къ тюленю всѣ были удивлены его большими размѣрами, онъ приблизительно былъ длиною въ сажень съ соотвѣтствующей этой длинѣ толщиной, не мало труда стоило втащить его на барказъ, тамъ матросы тотчасъ принялись за работу: содрали съ тюленя шкуру, сняли сало и сложили въ кадку, а мясо выбросили за бортъ, оно никуда не годится. Къ вечеру подулъ вѣтерокъ и мы стали подвигаться; ночью обогнули „Три острова“, къ утру вѣтеръ опять спалъ и мы во время отлива встали на якорь, въ эту стоянку мы видѣли интересное зрѣлище: большое стадо животныхъ изъ породы тюленей, только меньше (здѣсь ихъ называютъ „коти“) съ стремительной быстротой пронеслось мимо судна, нѣкоторые даже выпрыгивали изъ воды, шумъ отъ нихъ былъ ужасный, вода по всему пространству стада бурлила и пѣнилась; не успѣлъ я налюбоваться на никогда невиданное зрѣлище, какъ „коти“ уже промчались, и только вдали была видна черная полоска удаляющагося стада. Слѣдя по картѣ, я увидѣлъ, что мы недалеко отъ „Сосновцевъ“, границы рыбацкаго берега съ берегомъ лѣснымъ, отъ Сосновцевъ идетъ лѣсъ, а до Сосновцевъ только тундры; на островѣ былъ маякъ. Пройдя въ проливчикѣ между островомъ и берегомъ, я замѣтилъ, что тундра пропала, а на берегу, насколько хватаетъ глазъ, былъ малорослый, довольно густой сосновый лѣсъ, и мѣстами лужайки. Около Сосновцевъ водится морская бѣлуга; скоро я увидѣлъ эту колоссальную рыбу—появилась она подъ вечеръ, солнце еще не сѣло, было тихо, сидя на крышѣ руфа *), я еще издали замѣтилъ бѣлое пятно на водѣ, но когда мы приблизились, достаточно было взглянуть, чтобы узнать бѣлугу, она чрезвычайно красива, ослѣпительно бѣла и блестяща, плыла она тихо, то появлялась на по-

*) Каюта на палубѣ.

верхности воды, то пропадаая подъ водой, показавшись, она издаетъ звукъ, по звуку ее можно принять за кита. Бѣлуги много ловится въ Бѣломъ морѣ, въ ней порядочно сала, мясо тоже идетъ въ прокъ, кожа ея до того крѣпка, что употребляется на подошвы. Черезъ день мы поравнялись съ Никодимской губой и встали на якорь для торговли близъ деревни „Пялица“. Я съ капитаномъ поѣхалъ на плюпкѣ въ деревню и не радъ былъ жизни: не успѣли мы пристать къ берегу, какъ насъ окружила такая страшная масса комаровъ, что я былъ совсѣмъ озадаченъ; къ счастью, мнѣ пришла мысль—повязать платкомъ голову; но лицу моему комары не дали пощады, и я то и дѣло отмахивалъ ихъ руками. Эти комары не такіе, что летаютъ у насъ въ лѣтній вечеръ. Здѣсь комаръ величиною въ дюймъ и съ крыльями съ два дюйма, кусается несравненно больнѣе нашихъ; отмахиваясь отъ нихъ на каждомъ шагу, мы съ трудомъ добрались до деревни и я радъ былъ скорѣй войти въ какую нибудь избу, чтобы избавиться отъ маленькихъ мучителей. Войдя въ избу на видъ побогаче другихъ, мы застали хозяина за работой, онъ прилаживалъ полку къ стѣнѣ. Увидя насъ, онъ очень обрадовался и сейчасъ же предложилъ молока, тутъ уже держать скотъ, трава здѣсь хорошая и сочная, я съ наслажденіемъ выпилъ цѣлую крынку молока, давно я не пилъ его и какъ оно показалось мнѣ вкусно! Капитанъ сталъ толковать съ хозяиномъ насчетъ продажи семги, а я тѣмъ временемъ осмотрѣлъ избу, она ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ русскихъ избъ средней полосы Россіи; тѣ же лавки вокругъ бревенчатыхъ стѣнъ, та же большая русская печь съ лежанкой, оконца маленькія, полъ строганный, но грязный, не то что у лопарей; спать крестьяне лѣтомъ въ сѣняхъ, кровать закрывается сплошнымъ пологомъ, который сбирается сборами вверху въ одинъ узелъ, въ видѣ конуса, да здѣсь иначе и нельзя спать: комары совсѣмъ изжालятъ. Сговорившись съ хозяиномъ, капитанъ сталъ собираться обратно, выйдя изъ избы, я опять началъ отмахиваться

руками отъ комаровъ, и все-таки не могъ отъ нихъ избавиться, они усаживались на шапку, и будто ждали когда ихъ перевезутъ на судно. Вскорѣ на клиперъ прибыла лодка съ рыбаками, которые привезли семгу. Капитанъ расплатился солью и ромомъ; и мы, поставивъ паруса, пошли дальше; вечеромъ за чаемъ капитанъ меня поподчивалъ свѣжей семгой, что за роскошная рыба! и до чего вкусна, такъ это рассказать трудно—у насъ о такой семгѣ не имѣютъ и понятія, она таяла во рту, такъ была нѣжна и вкусна; иная семга достигаетъ здѣсь до пуда и полтора вѣсомъ.

Миновавъ еще двѣ деревни: Чапому и Стрѣльну, мы все еще шли по лѣвому берегу Бѣлаго моря. Тутъ случилась со мной непріятность, къ счастью все окончилось благополучно. У меня пропали всѣ мои деньги и я не зналъ какъ возвратиться въ Петербургъ; только угрозы капитана помогли отыскаться пропажѣ. Однажды утромъ, просыпаясь, я вижу на полу валяется нѣсколько бѣлыхъ бумажекъ, поднимаю — и что же вижу? мои двадцатипятирублевые ассигнаціи новаго образца. Воръ, подбросивъ деньги, промахнулся; въ это утро къ намъ въ каюту никто не входилъ кромѣ кока-мальчика, такимъ образомъ онъ самъ себя выдалъ. Я его и подозрѣвалъ, настоящій матрось-морякъ рѣдко украдетъ. Моряки отличаются честностью. Капитанъ очень обрадовался, но все-таки велѣлъ наказать кока. На морѣ если дошло дѣло до наказанія, то наказываютъ жестоко: матросы кока *) отодрали линьками да такъ, что мнѣ стало невыносимо смотрѣть на эту сцену и я ушелъ въ каюту. Послѣ этого происшествія все потекло по старому. Къ вечеру капитанъ сталъ на руль и повернулъ клиперъ къ лѣвному берегу. Лѣсной берегъ сталъ пропадать изъ вида, утромъ я увидѣлъ опять знакомую картину: вода да небо! и больше ничего. Вѣтеръ былъ попутный, черезъ полтора дня увидѣли противоположный берегъ, и пошли вдоль

---

*) Поваръ.

берега вплоть до Онежской губы, въ полдень поравнялись съ Чесменской губой. У деревни Лямцы на барказѣ подъѣхали къ намъ лоцмана *) перехватить по дорогѣ ромцу и семги. Какой же веселый и здоровый народъ эти лоцмана! загорѣлые, добродушные лица ихъ дышать простотой и полнѣйшимъ довольствомъ, потолковавъ съ хозяиномъ и со мной, они закупили гостинцы, и дружески простившись, сѣли въ барказъ и отправились во свояси.

Капитанъ мнѣ разсказалъ, что деревня Лямцы замѣчательна тѣмъ, что тамъ посреди улицы стоитъ чугунный крестъ, подаренный государемъ за то, что, когда англійскія суда подходили къ Соловкамъ съ требованіемъ барановъ и другой провизіи, то жители этой деревни—лоцмана, увидя что и къ нимъ въ деревню идетъ непріятельская шлюпка за провизіей, засѣли въ кустахъ у берега рѣчки съ ружьями, и когда шлюпка приблизилась, то дали залпъ, и уложили многихъ англичанъ, послѣднимъ оставалось только плыть обратно къ себѣ на корабль и больше лоцмановъ не беспокоить.

Къ ночи подулъ свѣжій попутный вѣтеръ, мы пошли быстрѣй, и по расчету къ утру должны были быть въ Онегѣ. Къ восьми часамъ утра мы уже входили въ устье рѣки Онеги, но по случаю отлива пришлось встать на якорь, на Онежскомъ устьѣ такъ мелко, что судно во время отлива не можетъ пройти безопасно. Мы бросили якорь близъ острова Кіа, на самой срединѣ устья. На островѣ выстроены монастырь, очень древній, видъ острова очень красивъ, онъ весь въ зелени, и ярко-бѣлая колокольня съ золотымъ верхомъ отчетливо обрисовывается на зеленомъ фонѣ. За островомъ стояло много судовъ иностранныхъ и большихъ фрегатовъ. Суда изъ за-границы приходятъ въ Онегу за тесомъ, который здѣсь чрезвычайно хорошъ, въ Онегѣ находится огромный заводъ лѣсопильный и занимается

*) Человѣкъ проводящій судно черезъ тѣсное и опасное мѣсто.

поставкой на всѣ суда лѣса; на крупныя суда лѣсъ перевозятъ на плашкотахъ, съ помощью буксира или завознаго якоря. Дождавшись полнаго прилива, мы подняли якорь и пошли. По всему устью нѣтъ ни одной вѣхи, никакого значка! Приходилось прибѣгать къ первобытному способу мѣрить палкой глубину. Мы такъ и дѣлали, и чуть было въ одномъ мѣстѣ не сѣли. Дуль свѣжій вѣтеръ съ полосами, такъ поморяне называютъ, когда дуетъ ровный вѣтеръ и вдругъ замѣчаешь на горизонтѣ какую-то точку или дымъ, который быстро приближается, наконецъ со свистомъ налетаетъ, иногда съ дождемъ и градомъ, такіе маленькіе шквалы называются у поморъ полосами. Идя по устью Онеги, мы два раза попадали въ полосу. Вечеръ былъ тихій и теплый. Когда мы вошли въ рѣку, капитанъ вынесъ ружья и сталъ ихъ разряжать, въ городѣ при осмотрѣ судна таможенные чиновники могутъ замѣтить, что они заряжены, а это запрещено; какъ бы отдавъ салютъ выстрѣломъ показавшемуся изъ-за поворота рѣки городу, мы прошли тихо мимо лѣсопильнаго завода и поравнялись съ первыми строеніями города. Между группами деревянныхъ избъ виднѣлись кое-гдѣ двухъ-этажные дома, это была Онега! Пройдя зданіе таможни съ развѣвающимся флагомъ, мы тоже подняли флагъ на самый верхъ мачты, вѣтеръ становился все слабѣе и слабѣе, наконецъ мы бросили якорь близъ берега; капитанъ и я отправились на шлюпкѣ въ таможню, засвидѣтельствовать бумаги, и привести чиновника для осмотра судна. Прописавъ паспортъ, я пошелъ къ исправнику города, спросить дозволенія остаться въ Онегѣ до прихода парохода; исправникъ принялъ меня очень привѣтливо, спрашивалъ о плаваніи, и далъ совѣты какъ мнѣ лучше ѣхать въ Петербургъ. Поблагодаривъ его и получивъ свидѣтельство о плаваніи, я вернулся на клиперъ, чтобы первую ночь переночевать еще на старомъ мѣстѣ; тамъ я засталъ таможенныхъ; они осматривали судно, оставили сторожа на ночь и уѣхали, извиняясь за произведенный беспорядокъ. Утомленный хлопотами

дня, я улегся спать и проспалъ всю ночь какъ убитый. На другой день, вставши рано, отправился въ городъ, отыскалъ себѣ квартиру и перебрался туда. Капитанъ посмотрѣлъ самъ мою квартиру, остался ею доволенъ, и на прощаніе подарилъ мнѣ чертежъ своего клипера. У себя въ комнатѣ я вздохнулъ свободнѣе, кончилось мое скитаніе по морю! я на сушѣ, какъ это пріятно, съ какимъ удовольствіемъ ходишь по землѣ! Клиперъ, на которомъ я пришелъ, кончилъ также свое плаваніе.

В. Гоппенъ.

БАБУШКА.

НЪ ОЧЕНЬ удивился, что мать его выслушала эти извѣстія довольно спокойно. Когда же онъ изъясилъ ей свое удивленіе и удовольствіе, то она сказала:

— Я обязана этимъ душевнымъ спокойствіемъ моей Розаліи. До сихъ поръ я была слѣпа не только наружно, но и внутренно: оскорбляла ближняго, тебя, сынъ мой, и внучатъ въ умственной слѣпотѣ моей! Благодаря Бога спала повязка съ глазъ моихъ, я прозрѣла и смирилась. Конечно мы вытерпѣли сильные удары судьбы, но и теперь еще богаче тысячи другихъ. Выслушай, сынъ мой, мое namѣреніе. Изъ четырехъ тысячъ талеровъ, которыя хранятся у меня въ ломбардѣ, я возьму двѣ тысячи съ тѣмъ, чтобы ты могъ опять начать небольшой торгъ игрушками.

— О нѣтъ, матушка! возразилъ тронутый Дидрихъ, развѣ вы мало для насъ сдѣлали.

— А ты для меня? отвѣчала консульша. Потомъ поищи дѣтямъ твоимъ мать и дому хозяйку. Ты не рѣшался по моей неуживчивости и властолюбію, не опасайся, будущей женѣ твоей я буду матерью и другомъ. Ты мнѣ когда-то сказалъ,

что былъ бы счастливъ, еслибы Стефанія согласилась выйти за тебя замужъ. Когда бы мы не лишились состоянія, то я бы сказала тебѣ: приведи ее ко мнѣ какъ невѣстку, и противъ нея я была несправедлива.

— О моя добрая матушка! вскричалъ Дидрихъ съ сильнымъ волненіемъ. Но скажите мнѣ, на какія средства вы жили, вѣдь вы оставались почти безъ денегъ?

— Великодушный другъ, станціонный писарь, помогъ, да неизвѣстный благодѣтель. Вотъ посмотри, сынъ мой, присланный свертокъ еще довольно тяжелъ.

— Чтобы поискать какого нибудь признака, Дидрихъ высыпалъ деньги на столъ и разсматривая внутренность свертка, вдругъ измѣнился въ лицѣ, увидѣвши на концѣ бумаги нѣсколько несвязно написанныхъ словъ.

— А кто была ваша хожатая, матушка? спросилъ разсѣянно Дидрихъ. Какъ ее звали? гдѣ она теперь? Кирбахъ вамъ ее рекомендовала?

Похвалы полились Розаліи, какъ отъ бабушки, такъ и отъ старшихъ дѣтей.

— Она была добра какъ Стефанія, сказалъ Одея, но не такъ хороша, прибавилъ онъ.

Лина же отвела отца въ сторону и пошептала ему что то тихо на ухо.

— Правду ли ты говоришь? возразилъ Дидрихъ, краснѣя отъ радости.

— Правду, отвѣчала Лина, однажды она думала, что я сплю и сняла свой зеленый зонтъ.

Дидрихъ поцѣловалъ въ болтливыя губки Лину и просилъ ее молчать объ этомъ.

ХІІІ.

Солнце счастія просіяло.

Не взирая на всѣ удары судьбы, Дидрихъ становился день ото дня веселѣе и даже счастливѣе. И въ бѣдности

свѣтитъ солнце, и черезъ золото слезы текутъ. Съ консульшей было то же самое. Ея холодное обращеніе, ея гордость, строгость, требовательность замѣнились кроткой привѣтливостію, сердечной любовію и добротою. Отъ этой благотворной перемѣны въ отцѣ и бабушкѣ и дѣти сдѣлались веселѣе и счастливѣе.

За нѣжность и снисходительность бабушки дѣти платили искренней привязанностію и вниманіемъ, чего прежде она не цѣнила и не чувствовала. Вина и дорогія многочисленные кушанья исчезли со стола ихъ, за то при простомъ обѣдѣ присутствовали веселое расположеніе духа и истинная радость. Дидрихъ опять сдѣлался дѣятельнымъ негоціантомъ, получивъ изъ ломбарда двѣ тысячи талеровъ, и торгъ его пошелъ довольно живо. По мѣрѣ того, какъ домъ Дидриха поправлялся, домъ Фидлеровъ сталъ упадать. Всѣ считали ихъ ворами золота и боялись ввѣрять имъ свое имущество. Поэтому они не имѣли почти никакой работы. Даже Христофоръ хотѣлъ отойти отъ нихъ, и только по увѣщанію Дидриха остался. Наконецъ пренебреженіе ли зейфенскихъ жителей или собственное сознаніе вины принудило братьевъ Фидлеръ выѣхать изъ Зейфена въ Олберихау.

Оеда, Адольфъ и Лина, не взирая на труды Кирбаховыхъ дѣтей, сами работали прилежно. Станціонный писарь былъ ежедневнымъ, пріятнымъ посѣтителемъ, онъ курилъ трубку свою только въ саду, хотя консульша увѣряла, что не чувствуетъ болѣе отвращенія къ этому запаху.

Однажды Дидрихъ весело вошелъ къ своей матери и сказалъ:

— Милая матушка! позвольте мнѣ представить вамъ дорогую вамъ особу.

— Кто бы это могъ быть? возразила консульша. Я знаю только одну, но и та лишила меня надежды когда нибудь ее видѣть.

— Мы это увидимъ! возразилъ Дидрихъ и, подавши знакъ

дѣтямъ и бывшему тутъ станціонному писарю, чтобы они молчали, вышелъ въ другую комнату, изъ которой возвратился въ сопровожденіи женщины.

Она робко и застѣнчиво приблизилась къ слѣпой и заговорила дрожащимъ голосомъ:—каково ваше здоровье, любезная г-жа консульша?

— Боже мой! мое предчувствіе! вскричала консульша съ волненіемъ. Розалія! любезная Розалія! какъ я счастлива, что вы со мною! О сынъ мой, какое удовольствіе ты мнѣ доставилъ?

— Доставить вамъ его мнѣ стоило не малаго труда: во-первыхъ Кирбахъ увѣряла, что не знаетъ настоящаго мѣсто-пребыванія Розаліи или по крайней мѣрѣ не хотѣла его сказать. Потомъ долгое время мои старанія возвратить въ наше семейство Розалію оставались безъ успѣха.

— Ахъ! еслибъ Розалія всегда при мнѣ осталась, я была бы вполне счастлива, сказала консульша.

— Отъ васъ зависитъ навсегда оставить ее при себѣ, отвѣчалъ глубоко тронутый Дидрихъ.

— Если бы!.. вскричала слѣпая и хотѣла обнять свою дорогую Розалію. Розалія въ замѣшательствѣ склонила передъ ней колѣни.

— Увѣряю васъ, матушка! говорилъ Дидрихъ. Однако, любезная Розалія, продолжалъ онъ, обращаясь къ склонившейся Розаліи, зачѣмъ вы закрываетесь этимъ огромнымъ чепцомъ, зачѣмъ не снимете зеленый зонть, зачѣмъ этотъ платокъ и подушка изъ травъ. Говоря это, Дидрихъ снималъ все это съ Розаліи и обнаружилъ милое, покрытое румянцемъ лицо, на которое скатилось множество каштановыхъ волосъ, и голубые глаза, осыненные шелковыми рѣсницами, опустились внизъ. Дѣти и станціонный писарь съ изумленіемъ всплеснули руками и единогласно вскричали: Стефанія!

— А я это знала давно! вскрикнула Лина!

Консульша стояла блѣдная, оцѣпенѣлая.

— Какъ! сказала она дрожащимъ голосомъ. Розалія и Стефанія!..

— Одна и таже, договорилъ Дидрихъ, она таилась, чтобъ имѣть возможность 'ходить за вами во время вашей болѣзни, матушка, она прислала намъ и денегъ.

— О! г. Дидрихъ, возразила Стефанія, развѣ деньги были не ваши, я брала ихъ только на сбереженіе?

— Стефанія и впредь хочетъ ходить за вами, продолжалъ Дидрихъ, не обращая вниманія на ея слова, соглашается быть вашей любящей дочерью, дѣтямъ моимъ—матерью, а мнѣ—вѣрной женой, только съ условіемъ, чтобы этотъ выборъ былъ согласенъ съ вашимъ желаніемъ.

— О Боже мой! это слишкомъ! вскричала консульша, я растерзала ей сердце, а она бережетъ, лечитъ меня... О какъ огненные уголья горятъ на старой головѣ моей.

— Матушка, сказалъ Дидрихъ торжественно, даю вамъ въ дочери благородное существо. Отъ руки богатаго негодянта Стефанія отказалась, а обѣднѣвшаго принимаетъ. Теперь мы можемъ сказать истинно, что Господь все къ лучшему устроиваетъ.

— Я недостойна его милосердія, говорила слѣпая.

Стефанія не дала ей кончить, съ радостными слезами прижала она мать Дидриха къ своему сердцу и долго осыпала поцѣлуями ее и дѣтей.

Тутъ раздался громкій басъ станціоннаго писаря, который все время хранилъ молчаніе.—Да сопровождаетъ васъ благословеніе Божіе во всѣхъ путяхъ вашихъ, говорилъ онъ съ радостными слезами на глазахъ, и отвернувшись отъ нихъ, началъ подбирать про себя рѣшмы, говоря:

Небо раскинется пеленой голубою.

А Стефанія будетъ Дидриха женою.

— Пойду въ садъ и выкурю трубку. Очень любопытно знать, что скажутъ зейфенцы объ этой свадьбѣ?

Спустя годъ къ дому Дидриха прибавился новый этажъ, въ субботу была поднята крышка и на вершинѣ ея красо-

валась зеленая сосна, а въ воскресенье праздновалось рожденіе новой дочери Дидриха. Кумой была слѣпая консулыша и Кирбахъ, а кумомъ—станціонный писарь. По желанію родителей и бабушки ребенка назвали Розаліей. По совершеніи обряда, пасторъ пробылъ весь день среди счастливаго семейства.

— Слышали ли вы, Дидрихъ, говорилъ пасторъ, о ростовщикѣ, онъ приговоренъ на двѣнадцать лѣтъ въ крѣпость, и скоро будутъ продавать съ молотка вещи, бывшія у него въ закладѣ. Теперь вы можете за безцѣнокъ возвратить вашу мебель и серебро.

Наконецъ-то попался хитрый контрабандистъ послѣ многолѣтней удачи въ безсовѣстныхъ дѣлахъ.

Въ эту минуту кто-то постучался въ двери.

— Войдите! сказалъ Дидрихъ.

Вошелъ Христофоръ, лицо его сіяло радостію и предвѣщало хорошую вѣсть. Послѣ перваго привѣтствія красивый, здоровый юноша обратился къ своей матери, говоря:

— Я отказался отъ мѣста у Фидлера и покуда побуду у васъ, матушка.

— Какъ? зачѣмъ? съ удивленіемъ спрашивала Кирбахъ и Дидрихъ.

— Потому что на лошадей, на экипажи, на все имѣніе Фидлеровъ наложено запрещеніе, отвѣчалъ Христофоръ съ явнымъ удовольствіемъ, и оба они сидятъ въ тюрьмѣ.

— Въ тюрьмѣ? повторяли съ изумленіемъ присутствующіе.

— За что? Я не ошибся, замѣтилъ Дидрихъ.

— Да, сказалъ Христофоръ, Фидлеры украли ваше золото.

— Говори, какъ это открылось, спрашивали всѣ въ одинъ голосъ.

Христофоръ смѣшался, покраснѣлъ опустилъ руку въ карманъ и отдавая Дидриху запечатанное письмо, сказалъ: тутъ все описано.

Дидрихъ поспѣшно взялъ письмо прочелъ и сказалъ:

— Все такъ, какъ говорилъ честный Христофоръ, дорогая кума! вы можете гордиться вашимъ Христофоромъ, онъ вывелъ наружу воровство.

— Онъ? раздался всеобщій голосъ, возможно ли это?

— Я просилъ нашего Христофора остаться у братьевъ Фидлеръ, говорилъ Дидрихъ, втайнѣ замѣчать за ихъ поступками и свои наблюденія передавать мнѣ. Онъ до сихъ поръ выполнялъ это неумоимо, но ничего не открывалось, что бы могло навлечь подозрѣніе на Фидлера. Наконецъ, при послѣдней поѣздкѣ въ Лейпцихъ, онъ узналъ, что Леберехтъ Фидлеръ былъ въ Алтенбургѣ у золотыхъ дѣлъ мастера и черезъ мальчиковъ его ловко развѣдалъ, что Фидлеръ продалъ ему перетопленное золото. Онъ далъ знать объ этомъ алтенбургскому правительству, которое скоро поймало птицу на мѣстѣ, уличило ее и заставило во всемъ сознаться.

Опасаясь быть открытыми, Фидлеры долго не смѣли расходовать похищенное золото и только въ послѣднее время, и то въ растопленномъ видѣ начали сбывать его. Теперь можно получить почти всю сумму въ цѣлости.

Намъ не надобно золота для нашего счастья, однако, по справедливости и ради нашей почтенной матушки, я радъ, что преступники открыты. Ты же, мой честный Христофоръ, вполнѣ заслуживаешь награду, которая простирается до тысячи пятисотъ талеровъ. На половину этой суммы ты купишь, по моему распоряженію, домикъ съ садикомъ для твоего семейства, на другую половину сторгуешь черезъ два или три года, когда будешь опытнѣе и сильнѣе, лошадей и повозокъ и будешь извозомъ прокармливать себя и своихъ. Я же тебѣ впередъ обѣщаю свою помощь.

— Только берегись спать во время ѣзды, предостерегла консульша.

Воспоминаніе объ отцѣ отуманило нѣсколько радость Кирбахъ и ея сына, такъ же какъ и прочихъ. Когда же грустное впечатлѣніе изгладилось, станціонный писарь взялъ ящикъ съ музыкой, потихоньку пожалъ пружину и всѣ при-

сутствующіе были пріятно изумлены внезапно раздавшейся восхитительной музыкой: „Радуйтесь жизни, покуда горитъ ея лампада“.

И истинно радовались жизни всѣ тѣ, которые въ этомъ разсказѣ жили справедливо, или исправились отъ недостатковъ своихъ.

Дидриху были возвращены всѣ его вещи изъ заклада отъ ростовщика. Слепая консульша молодѣетъ счастіемъ дѣтей и внучатъ, малютка Розалія ея любимица. Христофоръ ѣздитъ на славной повозкѣ по горамъ и долинамъ.

Станціонный писарь сдѣлался сочленомъ Дидрихова семейства; онъ куритъ, прибираетъ риѣмы и нянчитъ маленькую Розалію, для утѣшенія которой прилежно заставляетъ играть часы съ музыкой, а чаще самъ поетъ:

Радуйтесь жизни!

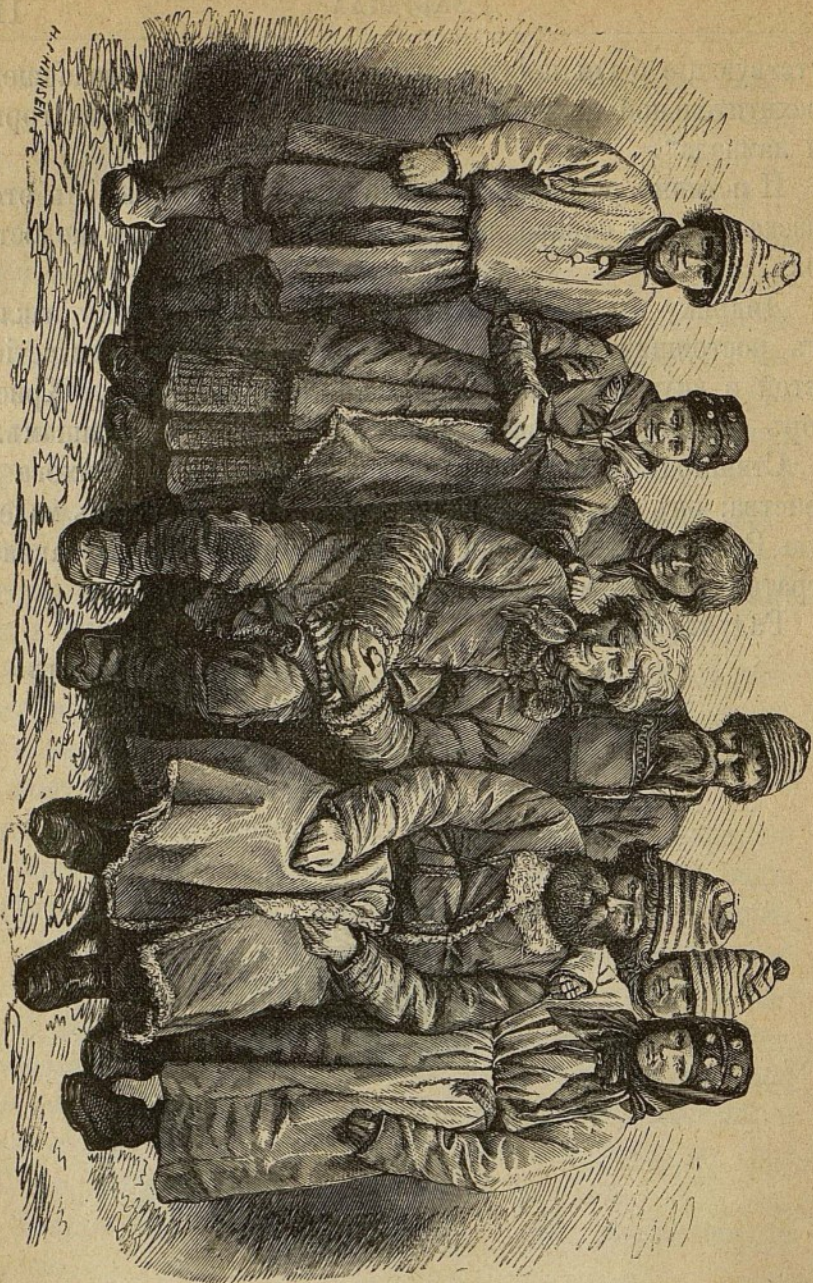
Нирицъ.

(Съ нѣмецкаго).

ТИПЫ РУССКИХЪ ДОПАРЕЙ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 октября 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.